А. А. Хохлов, Е. П. Китов

Дефекты травматического происхождения на палеоантропологических материалах эпохи раннего металла Волго-Уралья

Keywords: Volga-Urals, Eneolithic, Bronze Age, anthropology, craniology, traumatism
Cuvinte cheie: regiunea Volga-Ural, eneolitic, epoca bronzului, antropologie, material craniologic, traumatism
Ключевые слова: Волго-Уралье, энеолит, бронзовый век, антропология, краниологический материал, травматизм

A. A. Khokhlov, E. P. Kitov

Traumagenic Defects in the Early Metal Age Human Osseous Sample from the Volga-Urals Region

The paper focuses on the military traumas in the craniological materials of the Eneolithic and the Early Bronze Age in the Volga-Urals region. Lesions are studied in relation to the types of attack weapons. Statistical analysis of the trauma occurrence and character suggests a certain historical dynamics. Increased traumas can be seen during the Middle Bronze Age among the Tamar-Utkul/Ilek group of the Southern Urals and the Abashevo/Lbishche. The Srubnaya culture in the Late Bronze Age demonstrates the smallest number of traumas. These rates are indicative of a general social situation and are very important for reconstruction of relations between ancient communities.

A. A. Khokhlov, E. P. Kitov

Defecte de provenienţă traumatologică pe materialele paleoantropologice din epoca metalului timpuriu din regiunea Volga-Ural

Studiul este dedicat mărturiilor traumatismului de luptă pe materialele craniologice din eneolitic și epoca bronzului în arealul regiunii Volga-Ural. Sunt analizate afectările țesutului osos și legătura lor posibilă cu tipurile de unelte de lovit. Calculele statistice privind prezența și caracterul traumelor ne permit să evidenţiem un anumit dinamism istoric. Putem remarca maximele de creștere a frecvenţei defectelor în perioada bronzului mijlociu pentru grupul cultural Tamar-Utkul/Ilek din Uralul de Sud și Abaşevo/Lbişce. Cel mai scăzut traumatism este observat pentru populația culturii Srubnaia din epoca bronzului târziu. Acești indici demonstrează destul de clar situația socială generală, sunt importanţi pentru reconstituirea proceselor de relaţii între societăţile preistorice.

А. А. Хохлов, Е. П. Китов

Дефекты травматического происхождения на палеоантропологических материалах эпохи раннего металла Волго-Уралья

Работа посвящена свидетельствам боевого травматизма на краниологических материалах энеолита и бронзового века в ареале Волго-Уралья. Рассматриваются поражения костной ткани и их возможная связь с типами ударных орудий. Статистические расчеты по наличию и характеру травм позволяют выявить определенную историческую динамику. Можно отметить пики повышения частоты дефектов в период средней бронзы для тамаруткульской/илекской культурной группы Южного Урала и абашевско-лбищенской. Наименьший травматизм наблюдается для населения срубной культуры поздней бронзы. Эти показатели вполне определенно демонстрируют общую социальную ситуацию, являются важными для реконструкции процессов взаимоотношений древних обществ.

Проблемы боевого травматизма в древности в отечественных антропологических исследованиях

В археологии и палеоантропологии вопросы боевого и бытового травматизма обсуждаются уже достаточно давно, имея общей целью историческую реконструкцию специфики жизнедеятельности и взаимоотношений разных групп населения древности. Чаще уделяют внимание материалам раннего железного века и средневековья (Бужилова 1995; Балабанова, Перерва 2007; Перерва 2015; Китов и др. 2019), отрезкам времени, для которых первостепенную информацию о степени со-

The research is supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00137 «Contacts and interconnections of the population of the Ural-Volga and Kazakhstan steppes in the Late Bronze Age and the Early Iron Age» ■ Lucrarea este executată cu susținerea Fundației științifice a Rusiei, grantul nr. 18-18-00137 „Contactele și relațiile de reciprocitate ale populației stepelor regiunii Ural-Volga Kazakhstanului în perioada bronzului târziu și fierului timpuriu” ■ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, грант №18-18-00137 «Контакты и взаимосвязи населения Урало-Поволжских и Казахстанских степей в период поздней бронзы и раннего железа».

© *Stratum plus*. Археология и культурная антропология.
© А. А. Хохлов, Е. П. Китов, 2019.

циальной напряженности можно почерпнуть также из письменных источников.

Для периодов камня и начала эпохи металла такие сведения приводятся реже и, как правило, на основе относительно локальных материалов (Рохлин 1960; Халиков, Лебединская, Герасимова 1966; Медникова, Бужилова 2002; Хохлов 2010). Предпринималась попытка и суммарного освещения этой тематики по материалам культур бронзового века Волго-Уралья (Кузнецов, Хохлов 1998). В данной работе было отмечено максимальное наличие травм на скелетах ямно-полтавкинского времени, несколько меньшее — для синташтинско-потаповского населения (29,4%), и небольшое — для срубного (9,2%).

В настоящее время количество материала существенно увеличилось, появилась возможность ранжировать его более подробно в соответствии с выделяемыми на современном этапе археологическими культурами. Предварительно следует сказать, что в судебно-медицинской практике и палеоантропологии для решения вопросов боевого травматизма первостепенное значение имеет соотнесение характера нанесенного поражения с типом травмирующего орудия. К настоящему времени изучен довольно большой фактический материал, разработаны соответствующие классификации, получен богатый опыт диагностики дефектов. В целом на скелетном материале выделяют оскольчатые, сквозные[1] и вдавленные переломы, полученные от ударов колющего и рубящего типов орудий с разной силой и разных направлений, имеющих различные по форме и величине наконечники. Между тем некоторые, даже очевидные, травмы, отслеженные на палеоантропологическом материале, вызывают затруднения в интерпретации. В первую очередь, это обусловлено сохранностью источника, зачастую разрушением по истечении времени самой травмы, наличием разного рода дополнительных нарушений костных структур природными факторами. Ввиду этого определение характера дефектов на древнем материале в соответствии с методиками современной криминалистики требует осторожности. При исторической реконструкции, разумеется, должны учитываться следующие постулаты. Во-первых, не все травмы могут быть выявлены как в силу вышесказанного, так и в связи с летальным исходом по причине повреждения мягких тканей, которые не поддаются фиксации. Во-вторых, некоторые бывшие в прошлом небольшие травмы имели следы полной облитерации, и их обнаружение маловероятно. В-третьих, фрагментарность многих антропологических источников просто не позволяет зафиксировать дефекты. Наконец, необходимо обоюдно экстраполировать результаты, полученные при анализе разных хронологических источников.

Для энеолита Волго-Уралья, пожалуй, наиболее ранней реально зафиксированной травмой, приведшей к гибели человека, является полукруглое сквозное отверстие на черепе из погребения 13 грунтового могильника Хвалынск II (Хохлов 2010: 418)[2]. Обширные вдавленные и при этом зажившие переломы зафиксированы на мозговом отделе черепа из Гундоровки (Овчинникова, Хохлов 2003: 296). Нужно сообщить о некотором в своем роде уникальном случае множественного поражения черепа (6 округлых и подовальных, сквозных и вдавленных) (рис. 1). Погребение обнаружено в могильнике Кипец Тамбовской области, отнесенном предположительно к энеолитической среднестоговской культуре (Выборнов, Королев, Ставицкий 2005). Здесь мы имеем хороший пример того, как можно ошибиться, интерпретируя характер травмы. А именно, некоторые округлые сквозные и округлые вдавленные переломы, что важно, на самом деле получены при ударах одним и тем же, либо разными, но близкими типами орудий, видимо, нанесенных с разной силой. Объективно, что многие так называемые «сквозные» травмы изначально были вдавленными, просто со временем поврежденные осколки кости элиминировались. В некоторых случаях видны повторяющие форму проникающего орудия полукруглые компенсаторные трещины. В случае их разрушения и, соответственно, увеличения размеров поражения, его можно было бы принять за реальный вход орудия в полость мозговой коробки, что на самом деле не так. Но есть вероятность и того, что отдельные фиксируемые нами крупные сквозные полукруглые отверстия действительно являются следствием проникновения сравнительно острого орудия. В данном случае нужно рассмотреть вариант его конусовидного навершия. Такое навершие из метал-

[1] К сквозным относят и дырчатый перелом, чаще ассоциируемый с огнестрельным оружием. В нашем случае уделять внимание этому типу травматики неуместно.

[2] В данном случае мы не используем сведения о травмах ряда хвалынских черепов, в том числе в результате поверхностных трепанаций, имеющих очевидный ритуальный характер (Хохлов 2010; 2012).

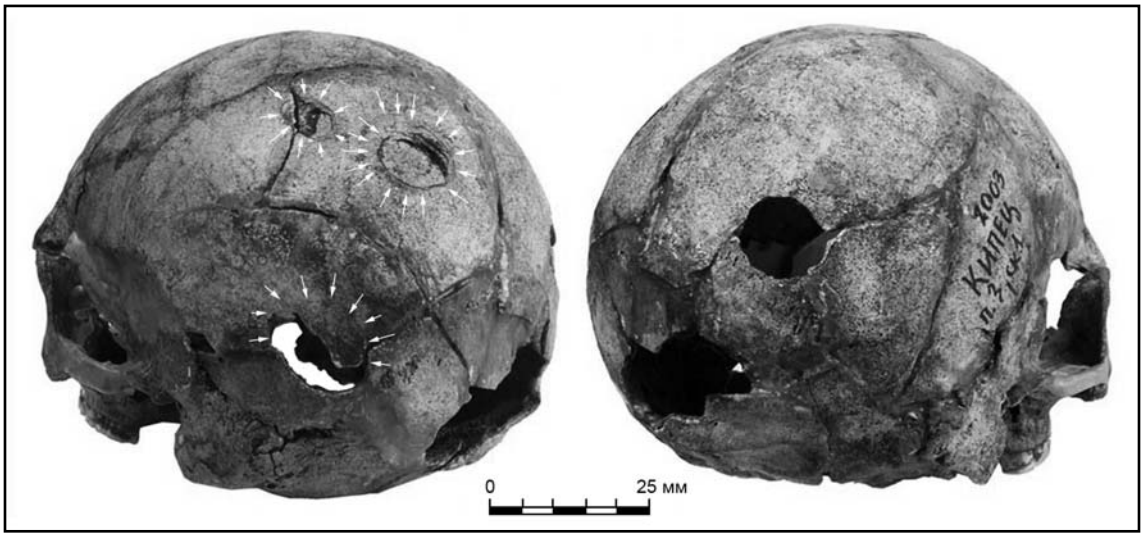

Рис. 1. Травмы на черепе из могильника Кипец, погребение 3, скелет 1, Тамбовская область (энеолит).

Fig. 1. Lesions on the skull from Kippets cemetery, burial 3, skeleton 1, Tambov region (Eneolithic).

ла для ранних популяций неизвестно. Зато имеется среди каменных скипетров и предметов из рога, например, среди орудийного арсенала, присущего хвалынской культуре (Горащук 2010; Кириллова 2010: 361—370). Чрезвычайно сильные удары скипетром не всегда могут оставить сквозные отверстия на поле соприкосновения (голове), насыщенной органическими и неорганическими структурными элементами, к тому нередко прикрытой еще и головным убором, исключительно сквозные отверстия. Скорее это все же был бы вдавленный перелом. Тогда как длинное жало клевца из рога с мощным рычаговым типом воздействия это сделать, в принципе, могло. Такой вид оружия для племен энеолита пока не неизвестен, но это не значит, что его не было. Деревянные древки, как и все деревянное оружие столь древних времен, в почве обычно не сохраняются. Определенно, люди видели и понимали использование и боевые способности клюва птиц и рогов животных и вполне могли заимствовать эти качества живой природы для развития оружейного дела.

Краниологические комплексы эпохи палеометалла как источник по истории конфликтов

За многие годы исследований в поле нашего внимания оказался довольно большой скелетный материал из захоронений энеолита-бронзы преимущественно лесостепной части Волго-Уралья и прилегающих областей (более 5000), сведения о которых максимально полно отражены в одной из последних монографических работ (Хохлов 2017). На посткраниальной части скелета травматика редка и может быть связана, в том числе, с бытовыми причинами. Данная статья посвящена краниологическим материалам взрослых людей. Опять же следует сказать о некоторых издержках: 1 — приводятся наблюдения только по наиболее целым черепам, а также фрагментированным, но где очевидно присутствие травмы; 2 — при подсчете частотных величин учитывались краниумы, проанализированные исключительно авторами данной работы. Данные, опубликованные другими исследователями, привлекались лишь косвенно, поскольку далеко не всегда в антропологических работах приводятся сведения о повреждениях искусственного характера.

Материал структурирован по культурным группам в соответствии с территориально-хронологическим принципом:

1. Ранняя бронза (ямная культура, волго-уральская группа) — имеется, с учетом западноказахстанских материалов, 56 черепов, среди которых исследовано нами 44 (35 мужских и 9 женских — из 30 могильников);

2. Средняя бронза (полтавкинская культура, поволжско-приуральская группа) — 44 черепа, нами изучено 39 (29 мужских и 10 женских — из 21 могильника);

3. Средняя бронза (тамаруткульская/илекская культурная группа, Южный Урал) — всего опубликовано 46 черепов, нами 43 (33 мужских и 9 женских — из 24 могильников);

4. Средняя бронза (синкретичная полтавкинско-катакомбная и катакомбная группа, черепа с искусственной деформацией) — всего опубликован 41 череп, нами 13 (10 мужских и 3 женских — из 11 могильников);

Таблица 1.

Черепа Волго-Уральского региона эпохи раннего металла, имеющие повреждения травматического характера

Название памятника	Административная территория	№ кургана/погребения	пол	Характер травмы и место локализации					
				Рубленые	Вдавленные	Сквозные обширные	Колюще-проникающие	Травмы носа	Другое
Ранняя бронза (ямная культура, волго-уральская группа), выборка — 35 муж. и 9 жен.									
Грачевка II	Самарская	5/2	ж	—	—	—	—	—	перелом прав.скул. кости
Екатериновка-2	Самарская	п.9	м	—	в.к.л.	—	—	+	—
Лопатино I	Самарская	31/1	м	—	—	—	—	+	нак.стр.в гр.клетке
Лопатино II	Самарская	3/1	м	т.к.п	—	—	—	—	—
Нижняя Орлянка I	Самарская	1/5	м	—	—	—	—	+	—
Утевка XI	Самарская	п.2	ж	—	—	—	—	+	—
Красиково I	Оренбургская	2/1	м	—	—	—	—	—	—
Ишкиновка I	Актюбинская	3/7	м	—	—	—	л.к.слева	—	—
Мереке I	Зап.Казахстан	1/2, вп.1	м	—	—	—	—	—	т-к.-узк.остр.нескв. вход
ВСЕГО				**1**	**1**	**0**	**1**	**4**	**3**
Средняя бронза (полтавкинская культура, поволжско-приуральская группа), выборка — 29 муж. и 10 жен.									
Калиновский I	Самарская	1/4	м	—	—	—	в.к.л.	—	—
Красносамарский IV	Самарская	7/5	м	—	л.к.слева	—	—	—	—
Лопатино I	Самарская	к.33	м	т.к.п.	—	—	—	—	—
Лопатино II	Самарская	2/3	м	—	—	—	—	—	нак.стр.в обл. гр.клетки
Лужки	Самарская	п.5	м	—	—	—	—	—	порезы мозг.коробки
Николаевка I	Самарская	8/7	м	—	—	л.к.слева	—	—	—
Н.Квасниковский I	Саратовская	2/5	м	л.к.	—	—	—	—	—
ВСЕГО				**2**	**1**	**1**	**1**	**0**	**2**
Средняя бронза (тамаруткульская/илекская культурная группа, Южный Урал), выборка — 33 муж. и 9 жен.									
Болдырево I	Оренбургская	1/1	м	л.к.	—	—	—	+	—
Грачевский	Оренбургская	1/1	м	—	л.к.+т.к.	—	—	—	—
Курманаевский III	Оренбургская	к.2	ж	—	—	т.к.л.	—	—	—
Мустаево V	Оренбургская	1/1	м	т.к.л.	—	—	—	—	—

Таблица 1 (продолжение).

Название памятника	Административная территория	№ кургана/погребения	пол	Характер травмы и место локализации					
				Рубленые	Вдавленные	Сквозные обширные	Колюще-проникающие	Травмы носа	Другое
Нижняя Павловка	Оренбургская	2/3/2	м	—	—	т.к.п.	—	—	—
Покровка IX	Оренбургская	5/4	м	—	т.к.п.	—	—	—	—
Покровка IX	Оренбургская	22/1	м	—	—	т.к.л.	—	—	—
Тамар-Уткуль VII	Оренбургская	2/1	ж	—	—	—	т.к.л.	—	—
Тамар-Уткуль VIII	Оренбургская	4/1	ж	—	—	—	т.к.л.	—	—
Шумаево II	Оренбургская	5/3	ж	—	—	т.к.л.	—	—	—
Шумаево II	Оренбургская	3/7	м	—	—	т.к.л.	—	—	—
Увак	Оренбургская	6/4	ж	—	—	т.к.п.	—	—	—
ВСЕГО				**2**	**2**	**6**	**2**	**1**	**0**
Средняя бронза (синкретичная полтавкинско-катакомбная и катакомбная группа, черепа с искусственной деформацией), выборка — 10 муж. и 3 жен.									
ВСЕГО				**0**	**0**	**0**	**0**	**0**	**0**
Финал средней бронзы (постполтавкинская культурная группа), выборка — 6 муж. и 1 жен.									
Калиновка I	Самарская	1/4	м	—	—	—	в.к.л.	—	—
Утевский V	Самарская	4/1	ж	—	скул.к.левая	—	—	—	—
ВСЕГО				**0**	**1**	**0**	**1**	**0**	**0**
Финал средней бронзы (абашевская и вольско-лбищенская группы суммарно), выборка — 1 муж. и 2 жен.									
Студеновский	Саратовская	2/2	м	—	л.к+т.к.п.	—	—	—	—
ВСЕГО				**0**	**1**	**0**	**0**	**0**	**0**
Начало позднебронзового века (потапово-синташтинская культурная группа), выборка — 28 муж. и 26 жен.									
Грачевка II	Самарская	1/1/1	м	—	—	—	—	+	—
Потаповка I	Самарская	1/1	ж	—	—	—	в.к.л.	—	—
Потаповка I	Самарская	5/8/1	м	—	л.к. (2); т.к.п.(1)	—	—	—	—
Потаповка I	Самарская	5/16	м	—	—	—	—	—	нак.стр.в гр.клетке
Утевка VI	Самарская	6/6	м	—	л.к.слева	—	—	—	—
Утевка VI	Самарская	7/1	м	—	—	т.к.п.	—	—	—
Малоюлдашево	Оренбургская	ск.2	ж	—	—	т.к.(3)	—	—	—
ВСЕГО				**0**	**3**	**2**	**1**	**1**	**1**

Таблица 1 (окончание).

Название памятника	Административная территория	№ кургана/погребения	пол	Характер травмы и место локализации					
				Рубленые	Вдавленные	Сквозные обширные	Колюще-проникающие	Травмы носа	Другое
Поздняя бронза (покровская культурная группа), выборка — 41 муж. и 31 жен.									
Рождествено I	Самарская	5/10	м	—	л.к.	—	—	+	—
Рождествено I	Самарская	5/11	ж	—	—	—	—	+	—
Светлое Поле II	Самарская	1/1	м	—	т.к.л.	—	—	—	—
Спиридоновка II	Самарская	1/10	м	—	—	—	—	+	—
Спиридоновка II	Самарская	11/6	м	—	—	—	в.к.п.	—	—
Спиридоновка II	Самарская	14/11	м	—	—	—	—	+	—
ВСЕГО				**0**	**2**	**0**	**1**	**4**	**0**
Поздняя бронза (срубная культура), выборка — 134 муж. и 93 жен.									
Баженовка, 2010	Самарская	1/3	м	—	—	—	—	+	—
Богородское I	Самарская	4/6 и 3/1	м	—	—	—	—	+	—
Богородское I	Самарская	1/9	м	—	—	—	—	+	—
Богородское I	Самарская	4/10	м	—	—	—	—	+	—
Заплавное I	Самарская	1/4	м	—	—	—	—	+	—
Карабаевка I	Самарская	1/4		—	л.к.	—	—	—	в.к.п.
Михайловский, 2015	Самарская	3/9а	м	вен.шов	—	—	—	—	—
Нижняя Орлянка I	Самарская	3/9б	ж	—	—	л.к.	—	—	—
Ново-Михайловский V	Самарская	5/2	м	—	т.к.п.	—	—	—	—
Ташелка IV	Самарская	3/3	м	—	—	—	—	+	—
Чистый Яр I	Самарская	2/13	м	—	л.к.	—	—	—	—
Красносамарский IV	Самарская	7/2		скул.к.л.	—	—	—	—	—
Новоселки	Татарстан	1/5	м	—	—	—	—	+	—
ВСЕГО				**2**	**3**	**1**	**0**	**7**	**1**

Примечание: л. к. — лобная кость; в. к.л и в. к.п. — височная кость левая или правая; т. к.л. и т. к.п. — теменная кость левая или правая; з. к. — затылочная кость; скул. к. — скуловая кость; вен.шов — венечный шов.

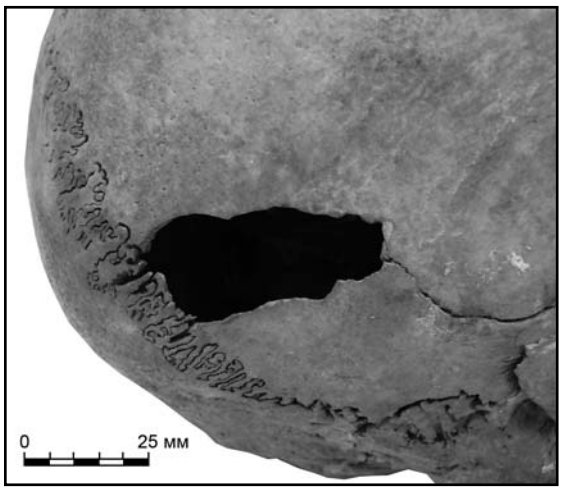

Рис. 2. Сквозная травма на черепе из могильника Лопатино I, курган 3, погребение 1 (ямная культура).

Fig. 2. Through injury on the skull from Lopatino I cemetery, kurgan 3, burial 1 (Yamnaya culture).

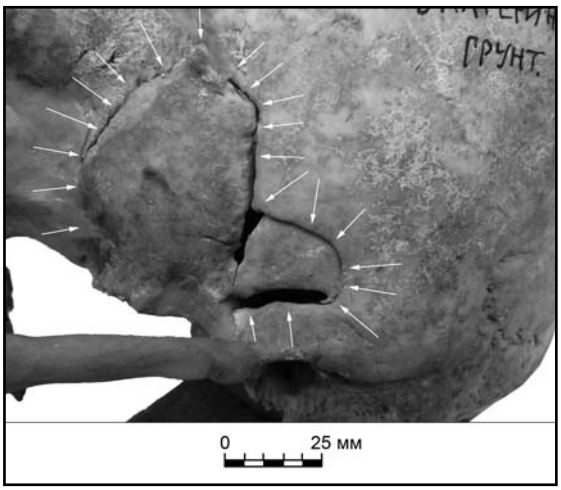

Рис. 3. Травма на черепе из грунтового захоронения могильника Екатериновка 2, погребение 8а (ямная культура).

Fig. 3. Lesion on the skull from Yekaterinovka 2 cemetery, burial 8a (Yamnaya culture).

5. Финал средней бронзы (постполтавкинская культурная группа) — опубликовано 13 черепов, нами 7 (6 мужских и 1 женский — из 4 могильников);

6. Финал средней бронзы (абашевская и вольско-лбищенская группы суммарно)[3] — опубликовано 8 черепов, нами 3 (1 мужской и 2 женских — из 3 могильников);

7. Начало позднебронзового века (потапово-синташтинская культурная группа) — опубликовано 55 черепов, почти все нами были просмотрены (28 мужских и 26 женских — из 9 могильников);

8. Поздняя бронза (покровская культурная группа) — опубликовано 92 черепа, нами 72 (41 мужских и 31 женских — из 13 могильников);

9. Поздняя бронза (срубная культура) — опубликовано 368 черепов, нами 227 (134 мужских и 93 женских — из 62 могильников).

Учитывались следующие травмы: от орудий, рубящих остролезвийных (топор, нож и т. д.); вдавленные от орудий ударных с тупым навершием (обух топора, молоты, палица, метательные камни); сквозные с обширным входом от орудий ударных; сквозные малого размера от орудий колюще-проникающего характера (наконечники стрел, дротиков, клевец); переломы носа; другое (наконечники стрел в костях или области грудной клетки).

[3] Численность материалов по данным культурам крайне мала, в связи с чем они были суммированы по принципу единой географии и времени проживания.

Количество травм подсчитывалось с учетом обоих полов. В случаях, где на одном черепе фиксировались две разновременные травмы, обе включались в подсчет (пример: Потаповка I, 5/8), если две-три травмы условно единовременного нанесения — учитывалась как одна (пример: Малоюлдашево, ск. 2). Результаты наблюдений представлены в табл. 1, содержащей сведения о черепах с травматическими повреждениями из памятников Волго-Уральского региона эпохи раннего металла.

Динамика свидетельств боевого травматизма в различных культурно-хронологических группах энеолита и бронзового века Волго-Уралья

На основании расчетов были построены графики встречаемости травм у населения разных культур бронзового века Волго-Уральского региона. Учитывая то, что перелом носовых костей может быть следствием бытовой травмы, полученной в ходе рукопашного столкновения, здесь мы предлагаем для рассмотрения график с распределением, в первую очередь, дефектов боевого происхождения (рис. 4). Сравнивая процент погребенных со следами травматических повреждений на черепе в выделенных группах, можно отметить ряд наблюдений.

В материалах ямной культуры встречаемость всех травм составляет 21,7% случаев от общей выборки черепов (табл. 2). Имеются разные их виды, с последствиями леталь-

Таблица 2.

Наличие травм на черепах эпохи бронзы Поволжья и Приуралья

Наличие травм, %	Суммарные выборки черепов									
	1	2	3	4	5	6	7	7а	8	9
Все травмы	21,7	17,9	30,9	0,0	28,6	33,3	14,8	24,2	9,7	6,2
Все, без травм носа	13,0	17,9	28,6	0,0	28,6	33,3	12,9	21,2	4,2	3,1

Примечание: 1 — ямная группа; 2 — полтавкинская группа; 3 — тамаруткульская/илекская группа; 4 — катакомбная группа; 5 — постполтавкинская группа; 6 — абашевская и вольско-лбищенская группа (суммарно); 7 — синташтинско-потаповская группа; 7а — потаповская группа; 8 — покровская группа; 9 — срубная группа.

ного исхода от проникновения лезвия ударно-рубящего оружия типа, возможно, каменного топора (Лопатино I, к. 3., п. 1.) (рис. 2) и заживления от удара орудия с тупым навершием (Екатериновка II, п. 9) (рис. 3). Максимальное количество здесь приходится на перелом носовых костей. Травмы встречаются как у мужчин, так и у женщин, в соотношении 3,5 : 1.

Видно, что в период средней бронзы у носителей курганных культур по сравнению с предшествовавшей ямной эпохой количество поражений увеличивается, особенно в тамаруткульской/илекской выборке Южного Урала (28,6 %)[4]. Причем фиксируется большее их разнообразие. Встречаются рубленые травмы, судя по характеру входа (22,0 × 57,0 мм), от ладьевидного по форме орудия типа бронзового топора (Мустаево V, 1/1). Заметно учащаются поражения, полученные орудиями с тупым навершием (сквозные и вдавленные переломы). Показательным примером последних являются образцы из могильников Грачевка и Курманаевский III Оренбургской области. В первом случае (рис. 5) на черепе мужчины в области точки брегма зафиксировано вдавление диаметром около 10,0 мм, глубиной не менее 5 мм (Богданов 2000: 12). Прослеживаются полукруглая и отходящая кпереди компенсаторные трещины, в целом заросшие. Автор открытия находки посчитал связать данную травму с ударом обухом боевого медного топора. На черепе женщины из Курманаевского погребения (рис. 6) в теменно-затылочной области в районе лямбдовидного шва округлое сквозное отверстие (23,0 × 30,0 мм) с характерными отходящими радиально компенсаторными трещинами и выкрошенными краями внутренней компакты. Летальный исход от этого поражения очевиден, а само оно было нанесено сильным ударом орудия, видимо, опять же типа обуха топора, или молотом. Можно отметить, что у носителей этих культурных образований травмы носа встречены лишь в одном случае. Возможно, это тоже как-то свидетельствует о переориентировании внутренних конфликтных отношений именно на межплеменные воинские баталии.

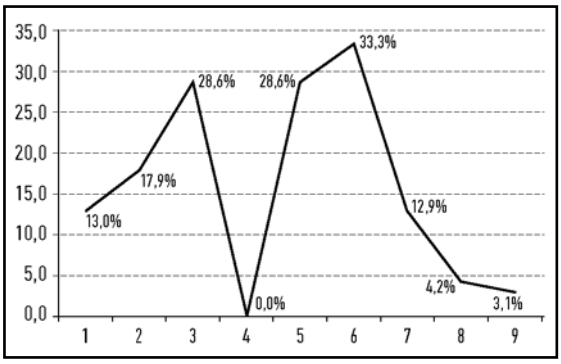

Рис. 4. График наличия черепов с травматическими повреждениями, в % от общей выборки (без повреждений носовых костей) среди групп краниологических материалов Волго-Уральского региона. Краниологические группы по оси X: 1 — ямная группа; 2 — полтавкинская группа; 3 — тамаруткульская/илекская группа; 4 — катакомбная группа; 5 — постполтавкинская группа; 6 — абашевская и вольско-лбищенская группа (суммарно); 7 — синташтинско-потаповская группа; 8 — покровская группа; 9 — срубная группа.

Fig. 4. Trauma occurrence,% (damage to the nasal bones not counted) among craniological samples of the Volga-Ural region (No. 7 belongs to the Sintashta and Potapovka type). Craniological groups along the X axis: 1 — Yamnaya; 2 — Poltavkinskaya; 3 — Tamarutkul/Ilek; 4 — Catacomb; 5 — Post-Poltavkinskaya; 6 — Abashevo and Volsko-Lbischenskaya; 7 — Sintashta and Potapovo; 8 — Pokrovskaya; 9 — Srubnaya.

Для периода существования полтавкинско-катакомбных традиций, а именно на черепах с искусственной деформацией, нами пока не встречено ни одной травмы, не известны они и по публикациям других авторов (0 %, рис. 4). Делать какие–либо выводы из этого преждевременно.

В период средней бронзы и ее финала, связанный с носителями лесостепных культур

[4] Некоторые промежуточные географические находки в плане отнесения к конкретной культурной группе могут вызывать вопросы. В любом случае, общий результат, свидетельствующий об увеличении травм в начале средней бронзы, верен.

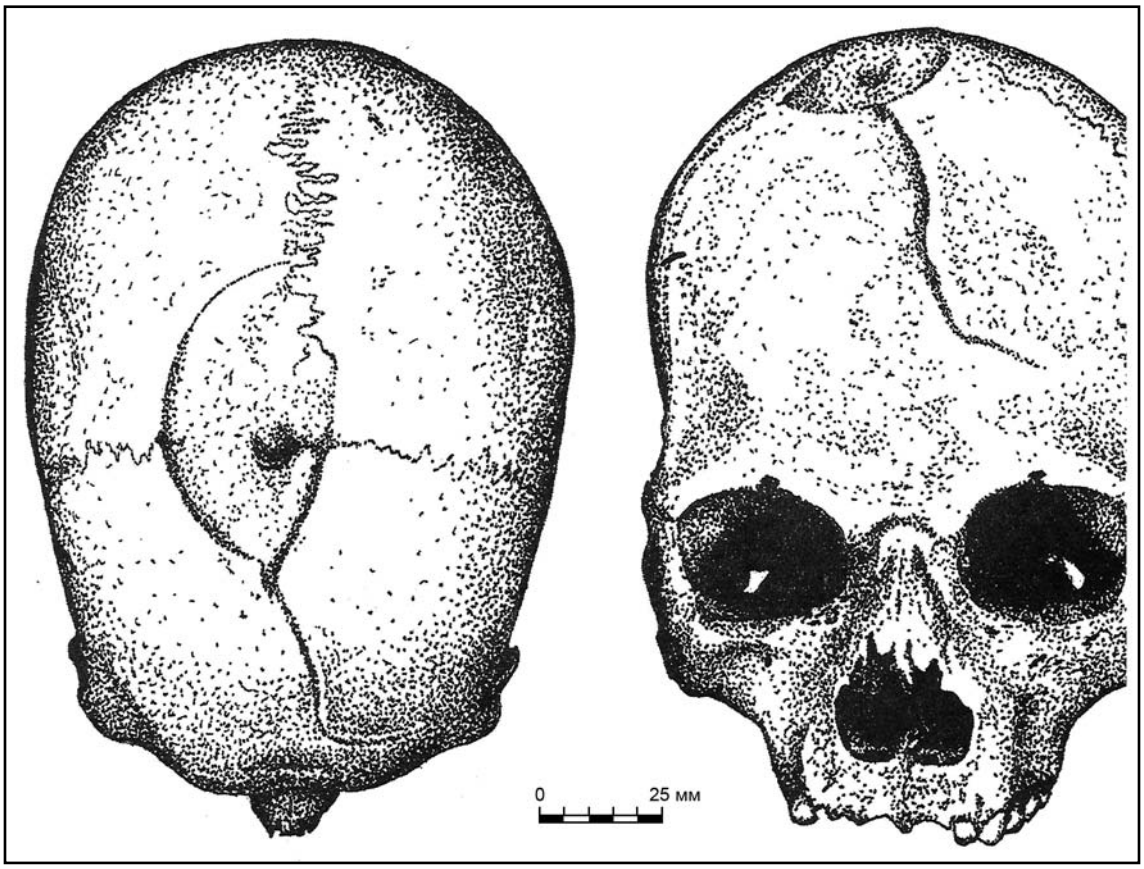

Рис. 5. Травма на черепе из Грачевского могильника, курган 1, погребение 1, Оренбургская область (тамаруткульская/илекская культурная группа) (по Богданов 2000: 20, рис. 3).

Fig. 5. Lesion on the skull, Grachevsky burial ground (kurgan 1, burial 1) of the Orenburg region (Tamarutkul/Ilek sites) (after Богданов 2000: 20, рис. 3).

абашевской, вольско-лбищенской и в целом степной постполтавкинской на графике видно резкое увеличение количества травм (28,6% и 33,3%). Однако здесь численность изученных материалов весьма мала, и выводы делать преждевременно. Например, для абашевской культуры мы имеем лишь один случай. В частности, на черепе из Студеновского могильника (близ г. Саратова) прослеживаются сразу два травматических повреждения — вдавленный несквозной перелом правой теменной кости черепа округлой формы (диаметр — 34,0 мм) и также округлой формы (диаметр — 30,0 мм) на лобной кости (Медникова, Бужилова 2002: 163—164). Авторы изучения черепа связали происхождение травм с обухом топора, булавой или даже жезлом-пестом, наподобие встречавшихся в погребениях средневолжской полтавкинской культуры (Кузнецов 1989: 17). В какой-то степени полученный нами статистический результат может быть косвенно поддержан информацией о скелетах абашевской культуры из Пепкинского кургана Чувашии. По мнению исследователей, изучавших этот материал (Халиков, Лебедин-

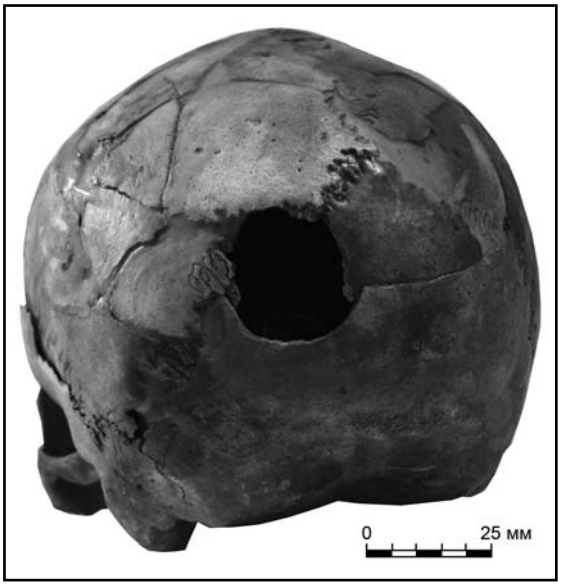

Рис. 6. Сквозная травма на черепе из могильника Курманаевский III, курган 2, Оренбургская область (тамаруткульская/илекская культурная группа).

Fig. 6. Through and through injury on the skull, Kurmanayevsky III cemetery, kurgan 2, Orenburg region (Tamarutkul/Ilek sites).

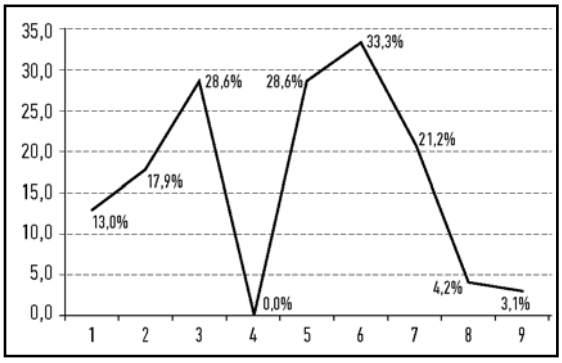

Рис. 7. График наличия черепов с травматическими повреждениями, в % от общей выборки (без повреждений носовых костей) среди групп краниологических материалов Волго-Уральского региона.
Краниологические группы по оси X: 1 — ямная группа; 2 — полтавкинская группа; 3 — тамарут-кульская/илекская группа; 4 — катакомбная группа; 5 — постполтавкинская группа; 6 — абашевская и вольско-лбищенская группа (суммарно); 7 — потаповская группа; 8 — покровская группа; 9 — срубная группа.

Fig. 7. Trauma occurrence, % (damage to the nasal bones not counted) among craniological samples of the Volga-Ural region (No. 7 belongs to the Potapovka type).
Craniological groups along the X axis: 1 — Yamnaya; 2 — Poltavkinskaya; 3 — Tamarutkul/Ilek; 4 — Catacomb; 5 — Post-Poltavkinskaya; 6 — Abashevo and Volsko-Lbischenskaya; 7 — Potapovo; 8 — Pokrovskaya; 9 — Srubnaya.

ская, Герасимова 1966; Медникова 2001), там находились останки убитых в военном столкновении 27 мужчин. В аналитической работе по данным поражениям М. Б. Медниковой (Медникова 2001: 202) было отмечено, что большинство из них были рублеными, нанесенными, по-видимому, боевым топором. С этим вполне можно согласиться. В двух случаях зафиксированы так называемые стреляные травмы (№78 и №84), как будто от стрел лука. Эти дефекты кости достаточно крупные (22,0×18,0 мм и 12,0×9,0 мм), подокруглой формы и никакого отношению ни к наконечникам стрел, ни даже дротиков иметь не могут. Выше мы уже писали, что такого типа отверстия можно было бы связать с ударными орудиями, либо с притупленным подокруглым окончанием, либо типа клевца.

Как бы там ни было, но, в принципе, вывод об усилении внешней и внутренней социальной напряженности в период, непосредствен-

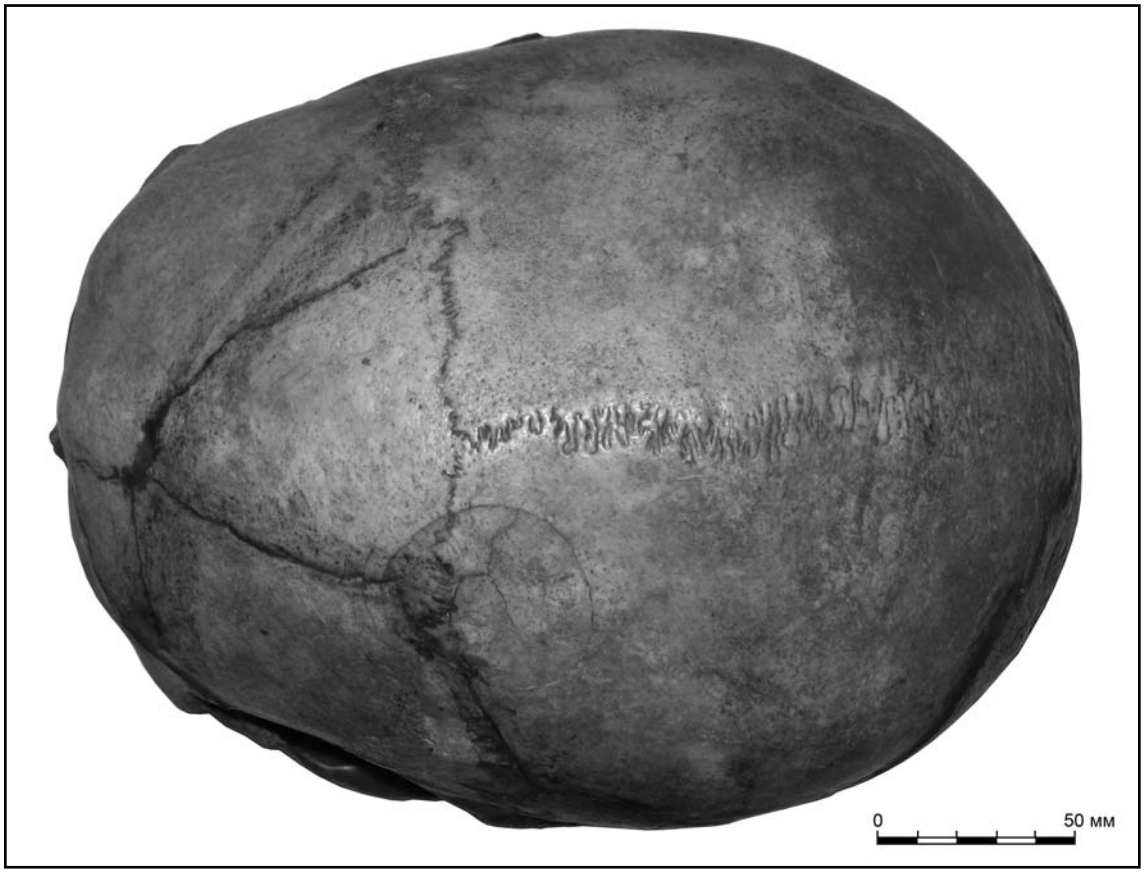

Рис. 8. Травма на черепе из могильника Потаповка I, курган 5, погребение 8, скелет 1, Самарская область (потаповская культурная группа).

Fig. 8. Lesion on the skull, Potapovka I cemetery, kurgan 5, burial 8, skeleton 1, Samara Region (Potapovka sites).

но предшествующий рождению нового периода эпохи бронзы, был бы вполне уместен.

Начало поздней бронзы знаменуется появлением в Волго-Уралье потаповских и синташтинских памятников. Здесь фиксируем, как будто, довольно резкое снижение количества травм — 12,9% (рис. 4). Этот результат получен при рассмотрении сравнительно большой выборки (54 черепа) и, видимо, должен восприниматься как достоверный. Нужно подчеркнуть, что все травмы зафиксированы на материалах западной части ареала этой культурной общности. На синташтинских краниологических материалах Южного Урала и Зауралья, также визуально проработанных и нами, пока таких дефектов не обнаружено. Ввиду этого мы отдельно рассчитали процент травм по материалам Поволжья и западного Приуралья. Он, соответственно, увеличился (21,2%). График распределения травм по периодам бронзового века несколько изменился (рис. 7). Можно определенно сказать, что полученный показатель незначительно отстает от такового илекской/тамаруткульской группы Южного Урала и при этом превышает показатель полтавкинской. Среди костных дефектов этого времени, как и ранее, большинство нанесено предметом с притупленным навершием. Отличительной чертой является показатель множественного нанесения ран. Так, на черепе из элитного захоронения могильника Потаповка I (к. 5, п. 8) — три травмы. Одно, более раннее, представляет небольшое вдавление на правой теменной кости, имеет следы заживления. Два других определяются округлыми, большими в диаметре трещинами на лобной и левой теменной костях (рис. 8). Из них второй компрессионный перелом имеет почти вертикальные стенки слома, следы заживления отсутствуют. Характер самой травмы предполагает видеть возможность удара орудием типа крупного молота. Интересно коллективное захоронение на поселении Малоюлдашево. В ногах у двух погребенных, мужчины и женщины, находились жертвы — другой мужчина, анатомически нарушенный, сложенный в «пакет», и останки овцы. Сама женщина на своде черепа имеет три сквозных дырчатых перелома (Евгеньев и др. 2016), определенно повлекших летальные последствия. Радиальных трещин мало: удары были сильными и убийственными. Все это может свидетельствовать о существовании в период самого начала поздней бронзы, вероятно, нередких столкновений военного характера. Однако говорить о милитаризации древних обществ рубежа III/II тыс. до н. э. Волго-Уральского региона на основании только этих данных, и даже с учетом обнаруживаемых артефактов боевого назначения, не приходится.

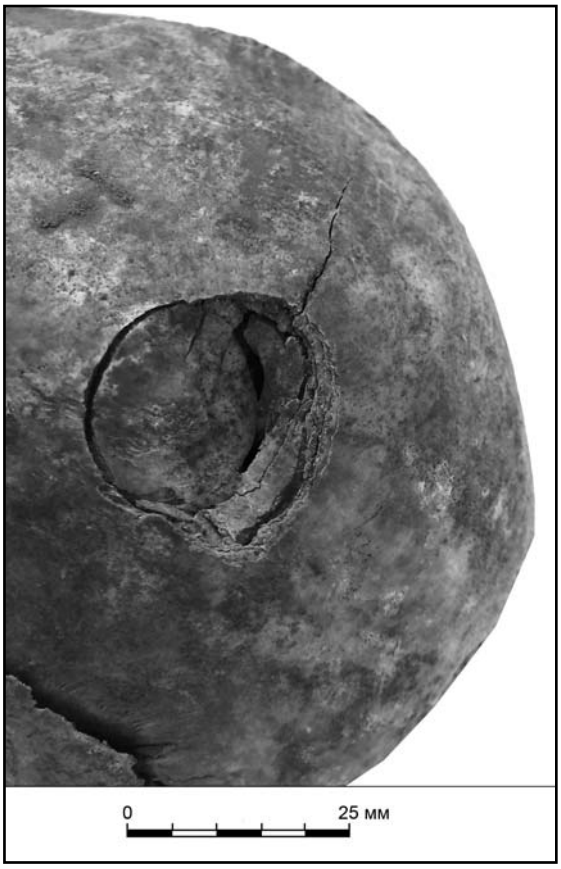

Рис. 9. Травма на черепе из могильника Светлое поле II, курган 1, погребение 1, Самарская область (срубная культура).

Fig. 9. Lesion on the skull, Svetloye Pole II cemetery, kurgan 1, burial 1, Samara Region (Srubnaya culture).

Среди покровского населения численность травм заметно ниже (4,2%). Наиболее низкая встречаемость травм относительно общей выборки у срубной культуры (3,1%). Интересно, что здесь, как и в раннеямное время, численно доминируют травмы носовых костей. Из образцов новых типов повреждений можно продемонстрировать округлый (27,0×29,0 мм), типичный вдавленный перелом с несколькими оскольчатыми костными фрагментами на черепе из могильника Светлое Поле II (к. 1, п. 1; рис. 9). Это позволяет видеть возможность нанесения травмы скорее орудием с округлой ударной поверхностью в виде булавы, палицы или метательного камня. Все же следует признать, что, как было сказано выше, соотнесение характера травмы с конкретным типом ударного орудия, даже и на примерах современной криминалистики, нередко условно. Все эти маленькие факты, тем не ме-

нее, недвусмысленно свидетельствуют о снятии острых военных напряжений и, видимо, довольно миролюбивой обстановке в центральном ареале срубной культуры позднего бронзового века.

Суммируя наблюдения по материалам лесостепного Волго-Уралья, нужно обратить еще внимание на явное доминирование травм от ударов орудий с тупым навершием. Говорит ли это о предпочитаемом противником типе оружия, какой-либо преобладающей технике боя, и почему следы от наиболее эффективного для сражения остролезвийного орудия, пусть даже и каменного, встречаются реже? Возможно, ответы на эти вопросы можно получить, зная самих противников, их культуру, используемое оружие и боевую тактику. На основе фактического материала и исторических реалий пока мы можем сравнивать данные только по двум разнокультурным группам, существовавшим примерно в одно время и осваивавшим лесостепи Волго-Уралья. Это скотоводческие коллективы полтавкинцев и абашевцы, распространявшиеся с северо-западных территорий. Относительно конкретно людей абашевской культуры Пепкинского кургана Верхнего Поволжья вопрос о противниках и ходе военного столкновения поднимался. На основе рассмотрения в основном типов кремневых наконечников, обнаруженных в коллективной могиле, были предложены версии о произошедшей в прошлом схватке группы абашевцев с отрядом балановцев (Халиков, Пряхин 1987: 130), сейминско-турбинским (Кузнецов 2004: 150—154), либо это был результат внутриабашевских конфликтов (Кузьмина 1992: 71). Реконструкция таких баталий древности на основе изучения травм, полученных от орудий ударного типа, особенно остролезвийного, осложнена. Типы такого оружия были распространены во всех культурах. Но вот травмы от ударов оружия с притупленным навершием, которые фиксируются на черепах полтавкинской группы, возможно связать с противником, у которого оно практиковалось и, видимо, доминировало. На эту роль вполне подходят и абашевцы, входившие в круг культур шнуровой керамики, в арсенале которых было немало топоров и молотов из камня.

Пока все это только осторожные предположения, которые, конечно, могут измениться, но накапливаемый материал и правильная его интерпретация неуклонно приближают нас к раскрытию реальных событий жизни древних обществ, включая сюжеты их воинских баталий.

Заключение

Краниологические комплексы из памятников Волго-Уральского региона демонстрируют различного рода свидетельства травматизма в энеолите и бронзовом веке. К ним относятся различной морфологии повреждения черепа: рубленые, вдавленные, обширные сквозные, колюще-проникающие отверстия, в меньшей степени, вероятно, с военным делом связаны переломы носа. Доминирующими среди них являются травмы от ударов орудий с тупым навершием. Говоря о динамике присутствия следов боевого травматизма в различных культурно-хронологических группах, можно отметить пики повышения частоты дефектов в период средней бронзы для тамаруткульской/илекской культурной группы Южного Урала и абашевско-лбищенской (впрочем, с оговоркой о предварительном характере результатов в связи с небольшим объемом выборки). Тем не менее, накапливаемый материал и правильная его интерпретация неуклонно приближают нас к раскрытию реальных событий жизни древних обществ, включая сюжеты их воинских баталий.

Литература

Балабанова М.А., Перерва Е.В. 2007. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов. В: Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. (отв. ред.). *Вооружение сарматов: региональная типология и хронология.* Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: ЮУрГУ, 173—181.

Богданов С.В. 2000. Древнеямный некрополь в окрестностях с. Грачевка. В: Моргунова Н.Л. (отв. ред.). *АПО* 4. Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 11—26.

Бужилова А.П. 1995. *Древнее население (Палеопатологические исследования).* Москва: ИА РАН.

Выборнов А.А., Королев А.И., Ставицкий В.В. 2005. Поселение Кипец I в верховьях реки Вороны. *Краеведческие записки* XII, 15—34.

Горащук И.В. 2010. Каменные орудия хвалынской культуры. В: Агапов С.А. (сост. и науч. ред.). *Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов.* Самара: Офорт-Пресс, 285—350.

Евгеньев и др. 2016: Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И., Рослякова Н.В., Усачук А.Н., Файзуллин И.А., Хохлов А.А. 2016. *Поселение Малоюлдашево I эпохи неолита и поздней бронзы в западном Оренбуржье*. Оренбург: ОГАУ.

Кириллова И.В. 2010. Изделия из органических материалов в погребениях Хвалынского II могильника. В: Агапов С.А. (сост. и науч. ред.). *Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энео-*

литическая культура. Исследования материалов. Самара: Офорт-Пресс, 351—370.

Китов и др. 2019: Китов Е.П., Хохлов А.А., Иванов С.С. 2019. Боевые травмы у ранних кочевников Волго-Уральского региона и Западного Казахстана как отражение социально-политической обстановки в степной полосе Евразии в VI—II вв. до н.э. *Stratum plus* (3) (в печати).

Кузнецов П.Ф. 1989. *Полтавкинская культурно-историческая общность.* Препринт. Свердловск: ИИА УрО АН СССР; Куйбышев: КГПИ.

Кузнецов П.Ф. 2004. Пепкинский курган как отражение конфронтации в начальный период формирования новой культурно-исторической эпохи бронзового века Европы. В: Сташенков Д.А. (отв. ред.). *Вопросы археологии Урала и Поволжья* 2. Самара: СамГУ, 146—154.

Кузнецов П.Ф., Хохлов А.А. 1998. Следы травматических повреждений людей по материалам погребений эпохи бронзы Волго-Уральского региона. В: *Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе.* Материалы международной конференции. Санкт-Петербург: ГЭ, 31—34.

Кузьмина О.В. 1992. *Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье.* Самара: СамГПУ.

Медникова М.Б. 2001. *Трепанации у древних народов Евразии.* Москва: Научный мир.

Медникова М.Б., Лебединская Г.В. 1999. Пепкинский курган: данные антропологии к реконструкции погребений. В: Гуляев В.И. (отв. ред.). *Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений.* Москва: Восточная литература, 200—216.

Медникова М.Б., Бужилова А.П. 2002. К вопросу о травматических повреждениях среди абашевского населения. *РА* (2), 162—164.

Овчинникова Н.В., Хохлов А.А. 2003. Исследование грунтового могильника у с. Гундоровка в лесостепном Поволжье. *ТАС* 3, 288—299.

Перерва Е.В. 2015. К вопросу о палеопатологических особенностях у сарматов IV—I вв. до н.э. с территории нижнего Поволжья и нижнего Дона. *Вестник ВолГУ.* Серия 4: *История* 35 (5), 53—66.

Пряхин А.Д., Халиков А.Х. 1987. Абашевская культура. В: Бадер О.Н., Крайнов Д.А., Косарев М.Ф. (отв. ред.). *Эпоха бронзы лесной полосы СССР.* Археология СССР 8. Москва: Наука, 124—131.

Рохлин Д.Г. 1960. *Болезни древних людей (кости людей различных эпох, нормальные и патологические изменения).* Москва; Ленинград: Наука.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. 1966. *Пепкинский курган (абашевский человек).* Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.

Хохлов А.А. 2010. Население хвалынской энеолитической культуры. По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынск I, Хвалынск II, Хлопков Бугор. В: Агапов С.А. (сост. и науч. ред.). *Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура. Исследования материалов.* Самара: Офорт-Пресс, 407—517.

Хохлов А.А. 2012. Ритуальные травмы на черепах у носителей хвалынской энеолитической культуры Поволжья. *ЭО* (2), 118—125.

Хохлов А.А. 2017. *Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита — бронзового века).* Самара: СГСПУ.

References

Balabanova, M.A., Pererva, E.V. 2007. In Yablonsky, L.T., Tairov, A.D. (eds.). *Vooruzhenie sarmatov: regional'naia tipologiia i khronologiia (Armament of Sarmatians: Regional Typology and Chronology).* Chelyabinsk: Southern Ural State University, 173—181 (in Russian).

Bogdanov, S.V. 2000. In Morgunova, N.L. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Orenburzh'ia (Archaeological Sites of Orenburg Region)* 4. Orenburg: "Orenburgskaia guberniia" Publ., 11—26 (in Russian).

Buzhilova, A.P. 1995. *Drevnee naselenie (Paleopatologicheskie issledovaniia) (Ancient Population: Paleopathological Studies).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Vybornov, A.A., Korolev, A.I., Stavitsky, V.V. 2005. In *Kraevedcheskie zapiski (Notes on Local History)* XII, 15—34 (in Russian).

Gorashchuk, I.V. 2010. In Agapov, S.A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaia eneoliticheskaia kul'tura. Issledovaniia materialov (Khvalynsk Chalcolithic Burial Grounds and Khvalynsk Chalcolithic Culture: A Study of Materials).* Samara: "Ofort-Press" Publ., 285—350 (in Russian).

Evgenyev, A.A., Kuptsova, L.V., Mukhametdinov, V.I., Rosliakova, N.V., Usachuk, A.N., Faizullin, I.A., Khokhlov, A.A. 2016. *Poselenie Maloiuldashevo I epokhi neolita i pozdnei bronzy v zapadnom Orenburzh'e (Maloyuldashevo-I Settlement of the Neolithic and the Late Bronze Age in the Western Part of Orenburg Region).* Orenburg: Orenburg State Agrarian University (in Russian).

Kirillova, I.V. 2010. In Agapov, S.A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaia eneoliticheskaia kul'tura. Issledovaniia materialov (Khvalynsk Chalcolithic Burial Grounds and Khvalynsk Chalcolithic Culture: A Study of Materials).* "Samara: Ofort-Press" Publ., 351—370 (in Russian).

Kitov, E.P., Khokhlov, A.A., Ivanov, S.S. 2019. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3) (in print) (in Russian).

Kuznetsov, P.F. 1989. *Poltavkinskaia kul'turno-istoricheskaia obshchnost' (The Poltavka Cultural and Historical Community).* Preprint. Sverdlovsk: Institute for History and Archaeology, Ural Branch, Academy of Sciences of the USSR; Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute (in Russian).

Kuznetsov, P.F. 2004. In Stashenkov, D.A. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala i Povolzh'ia (Issues of Archaeology of the Ural and Volga Regions)* 2. Samara: Samara State University, 146—154 (in Russian).

Kuznetsov, P.F., Khokhlov, A.A. 1998. In Masson, V.M. (ed.). *Voennaia arkheologiia. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspective (Military Archaeology. Armament and Warfare from Historical and Social Perspective).* Saint Petersburg: State Hermitage Museum; Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 31—34 (in Russian).

Kuzmina, O.V. 1992. *Abashevskaia kul'tura v lesostepnom Volgo-Ural'e (Abashevo Culture in Volga-Ural Forest-Steppe).* Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Mednikova, M.B. 2001. *Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii (Trepanation Practice among the Ancient Peoples of Eurasia).* Moscow: "Nauchnyi Mir" Publ. (in Russian).

Mednikova, M.B., Lebedinskaya, G.V. 1999. In Gulyaev, V.I. (ed.). *Pogrebal'nyi obriad. Rekonstruktsiia i interpretatsiia drevnikh ideologicheskikh predstavlenii (Funerary Rite: Reconstruction and Interpretation of Ancient Ideological Conceptions).* Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ., 200—216 (in Russian).

Mednikova, M.B., Buzhilova, A.P. 2002. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 162—164 (in Russian).

Ovchinnikova, N.V., Khokhlov, A.A. 2003. In *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection)* 3, 288—299 (in Russian).

Pererva, E.V. 2015. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4. Istoriia (Bulletin of the Volgograd State University, Series 4: History)* 35 (5), 53—66 (in Russian).

Priakhin, A.D., Khalikov, A. Kh. 1987. In Bader, O.N., Krainov, D.A., Kosarev, M.F. (eds.). *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR (The Bronze Age in the Forest Zone of the USSR).* Series: Arkheologiia SSSR (Archaeology of the USSR) 8. Moscow: "Nauka" Publ., 124—131 (in Russian).

Rokhlin, D.G. 1960. *Bolezni drevnikh liudei (kosti liudei razlichnykh epokh, normal'nye i patologicheskie izmeneniia) (Diseases of Ancient People: Bones of People of Different Epochs, Normal and Pathological Changes).* Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Khalikov, A. Kh., Lebedinskaya, G.V., Gerasimova, M.M. 1966. *Pepkinskii kurgan (abashevskii chelovek) (Pepkino Burial Mound: the Abashevo Human).* Series: Proceedings of the Mari Archaeological Expedition III. Yoshkar-Ola: "Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

Khokhlov, A.A. 2010. In Agapov, S.A. (ed.). *Khvalynskie eneoliticheskie mogil'niki i khvalynskaia eneoliticheskaia kul'tura. Issledovaniia materialov (Khvalynsk Chalcolithic Burial Grounds and Khvalynsk Chalcolithic Culture: A Study of Materials).* Samara: "Ofort-Press" Publ., 407—517 (in Russian).

Khokhlov, A.A. 2012. In *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review)* (2), 118—125 (in Russian).

Khokhlov, A.A. 2017. *Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Ural'e v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita — bronzovogo veka) (Morphogenetic Processes in the Volga and Ural Basins in the Early Holocene Time: by Craniological Data of Mesolithic — Bronze Age).* Samara: Samara State University of Social Sciences and Education (in Russian).

Статья поступила в номер 30 ноября 2018 г.

Alexander Khokhlov (Samara, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences. Samara State University of Social Sciences and Education[1].

Alexander Khokhlov (Samara, Rusia). Doctor în ştiinţe istorice. Universitatea de Stat din Samara din ştiinţe sociale şi pedagogie.

Хохлов Александр Александрович (Самара, Россия). Доктор исторических наук. Самарский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: khokhlov_aa@mail.ru

Egor Kitov (Moscow, Russian Federation). Candidate of Historical Sciences. N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences[2].

Egor Kitov (Moscova, Rusia). Candidat în ştiinţe istorice. Institutul de etnologie şi antropologie al Academiei de Ştiinţe a Rusiei.

Китов Егор Петрович (Москва, Россия). Кандидат исторических наук. Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук.

E-mail: kadet_eg@mail.ru

Addresses: [1] M. Gorky St., 65/67, Samara, 443099, Russian Federation; [2] Lenin Ave., 32-A, Moscow, 119991, Russian Federation